

АРИАДНА ШАФРАН

ТРЕТЬЯ
СТОРОНА
КЛЯТВЫ

Ариадна Шафран

Третья сторона клятвы

<https://litres.ru/74681473>

SelfPub; 2026

Аннотация

Алина Ветрова привыкла помогать людям договариваться. Но когда её уносит с улицы родного города в чужой мир, первой задачей становится возвращение домой. Два враждующих королевства предлагают ей роль свидетеля магической клятвы. Подписанные слова здесь обретают силу — а выяснить, что осталось между строк, гораздо труднее, чем поставить подпись.

Ей предстоит разобраться, за какие слова она готова отвечать, когда доверие к человеку уже есть, а согласия между ними ещё нет.

Содержание

Глава 1. Вы приглашены	4
Глава 2. Ни слова не понятно	14
Глава 3. Свидетель — не пленник	25
Глава 4. Удобное слово «мир»	37
Глава 5. Камень держит слово	49
Г	62
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Ариадна Шафран

Третья сторона клятвы

Глава 1. Вы приглашены

В кругу на каменном полу стояли две пары сапог, край длинного зелёного одеяния и Алинин правый ботинок. Левый остался где-то позади. Она поискала его взглядом, ещё не позволяя себе посмотреть выше колен окружавших её людей.

С пола тянуло холодом. Под ладонью была глубокая бороздка, заполненная молочно-белым светом. Этот свет медленно угасал, и вместе с ним пропадало гудение в ушах. Последним отчётливым звуком из прежнего мира был сигнал телефона: Катя прислала третье сообщение, а Алина опять решила ответить через минуту.

Человек в зелёном отступил. Алина подняла голову.

Ряд высоких окон, тяжёлые светильники, каменные стены. Два стола стояли друг напротив друга, оставляя между собой проход к широкой арке. На одном столе лежал чёрный брусок с серебряными скобами, на другом — такой же, только светло-серый. Возле каждого теснились люди в длинных одеждах. Они замолчали; писец возле левого стола застыл с поднятой рукой.

Ботинок нашёлся у ноги мужчины в военном плаще. Тот смотрел на неё, не двигаясь.

— Где я? — спросила Алина.

Она рассчитывала услышать в собственном голосе что-нибудь узнаваемое: раздражение, требовательность, хотя бы недовольство плохой организацией. Получился сиплый звук.

Кто-то заговорил слева. Быстрая чужая речь ударилась о стены, к ней присоединилась другая. Алина различала отдельные слова, но ни одно ничего не значило. Мужчина в плаще поднял руку, и оба говоривших остановились. Он наклонился, взял ботинок за задник и поставил перед ней.

Алина натянула ботинок, прижала подошву к полу. Нога перестала скользить. Она подтянула к себе сумку. Ремень был разрезан наискось. Она провела пальцем по гладкому срезу и тут же убрала руку.

Мужчина протянул ладонь.

Не схватил, не потянул. Подождал.

Алина встала сама, опираясь на собственное колено. Он опустил руку, отступил, освобождая ей место, и что-то сказал, показывая на пластину возле чёрного камня. По его интонации это был вопрос. Возможно, спрашивал, цела ли она. Возможно, предлагал прочесть надпись. Ей хотелось сразу объяснить, что никакие надписи здесь не читаются, но ответ затерялся в новом шуме.

Ещё полчаса назад шум был знакомым: кондиционер в переговорной, ложечка в пустом стакане и Сергей Валерьевич,

который уже третий раз говорил: «Ну что, все довольны?»

Все довольны не были. Возле окна сидела женщина в сером костюме, держала ручку над последней страницей соглашения и смотрела на чашку с высохшим чайным пятном. Её бывший партнёр по небольшому производству пытался закончить встречу прежде, чем она успеет назвать ещё одно условие. Алина увидела это, спросила, что остаётся непояснённым, и получила ответ:

— Да ничего. Подписываем.

За три года работы Алина научилась различать такое «ничего». В нём чаще всего помещалось всё, что через месяц снова приводило людей за тот же стол.

— Вы можете подписать, — сказала тогда Алина. — Но я прошу вас сначала проверить срок передачи станков. Если он вас не устраивает, лучше сказать сейчас.

Женщина подняла глаза. Сергей Валерьевич раздражённо откинулся на спинку стула. Встреча продлилась ещё сорок минут; срок изменили, оплату разбили на части. Каждая сторона ушла с тем, чего не хотела отдавать, и с тем, что всё-таки смогла получить.

На выходе коллега Даша забрала у Алины папку.

— Я отсканирую. Ты же к сестре собралась.

— Мне ещё проверить приложения.

— Проверю приложения. Не твою сестру.

Алина усмехнулась, но папку отдала не сразу. Катя хотела поговорить о продаже бабушкиной квартиры; Алина уже

мысленно составила для неё список документов, хотя сестра просила вовсе не список. Последнее сообщение начиналось словами: «Только не приезжай с готовым решением». Она собиралась ответить, что никакого решения у неё нет, и знала, что это неправда.

Из старого корпуса делового центра на улицу можно было выйти через крытый переход. Дождь стучал по его металлической крыше. Алина застегнула пальто, втиснула папку с личными бумагами в сумку и в третий раз потянулась к телефону. За стеклянной дверью вспыхнул свет. Она решила, что снаружи включилась фара машины.

Потом свет стал холодным, плоским и оказался перед ней. Она шагнула в сторону. Плечом ударилась о штукатурку. В белой полосе проступило другое помещение — не отражение и не улица. Алина увидела человеческую руку, стол, узкие высокие окна. Поток воздуха дёрнул ремень сумки. Она ухватила за косяк, пальцы скользнули по мокрой краске, и пол ушёл из-под ног.

Теперь белая полоса в арке закрывалась.

— Подождите! — крикнула она, прежде чем успела подумать.

Она рванулась к арке. Мужчина в плаще двинулся одновременно с ней, но не перегородил дорогу — поднял с пола толстый деревянный шест и поставил поперёк прохода. На его конце ещё дымился обугленный срез.

Последняя полоска белого света сжалась. Алина остано-

вилась так близко, что почувствовала холод на щеке. Камень в глубине арки потускнел; за ним обнаружилась обычная стена с узкой металлической дверцей.

В проходе пахло мокрой пылью и горячим железом.

Она обернулась. Мужчина смотрел на её руку. На пальцах, державших косяк, выступила кровь, смешанная с белой краской. Он позвал кого-то, коротко, не повышая голоса. Из толпы отделилась женщина с полотняным мешком. Алина отступила на шаг, прижала сумку к животу и подняла ладонь.

— Не надо. Сначала объясните.

Женщина остановилась. Мужчина повторил Алинин жест — ладонь наружу — и сказал что-то тем, кто собирался подойти. Они послушались. За столом с серым камнем пожилой человек сердито ударил по пластине двумя пальцами.

Ему ответил высокий мужчина в синей одежде. Алина запомнила его по голосу: ровному, негромкому, особенно неприятному среди общего волнения. Он как будто уже решил, что случилось, и теперь приводил окружающих к своему решению.

Над столом висел светильник с широким стеклянным колпаком. В его свете были хорошо видны лица, складки одежды, красная ссадина у Алины на запястье. Никакой сонной расплывчатости. Она осторожно нажала на больное место ногтем. Боль отозвалась быстро и точно.

Телефон оказался в сумке, под ключами и сложенным

зонтом. Экран загорелся. Восемнадцать часов сорок семь минут. Ни одной полоски связи. Последнее сообщение Кати: «Ты вообще идёшь?»

Алина нажала вызов. На экране появилось уведомление о недоступной сети. Она попробовала ещё раз.

Мужчина в плаще посмотрел на телефон без испуга и без попытки отнять. Женщина с мешком вытянула шею. Кто-то сзади произнёс два слова, и она тут же опустила взгляд.

— Алина, — сказала Алина, показывая на себя.

Мужчина положил ладонь на грудь.

— Арлен.

— Арлен. Мне надо домой.

Она указала на закрывшуюся арку, на телефон, снова на арку. Он проследил за движением её руки и ответил длинной фразой. Алина уловила только повторённое имя. Под его воротником блеснула маленькая металлическая пластинка. Она была прикреплена к плотной коже и лежала у ключицы, как военный жетон.

Человек возле серого камня перестал спорить. Он расправил рукава, открыл плоский футляр и вынул из него лист, похожий на тонкую кость. Двое стоявших рядом развернули эту пластину к Алине. На ней чернели строчки, а внизу оставалось свободное место.

Она попятилась.

— Нет. Я ничего не подписываю.

Пожилой человек начал говорить. Все снова умолкли.

Слова шли медленно, с одинаковыми остановками; перед ним стоял писец с длинным острым инструментом. Он царапал знаки на краю пластины.

Арлен изменился в лице. Подался вперёд, произнёс короткое предупреждение. Человек у камня не ответил. Он поднял правую руку, положил её на серый брусок и продолжил.

Сначала Алина решила, что он забыл слово. Открытый рот, дрогнувший подбородок, короткая пауза. Потом его пальцы побелели. Он попытался произнести звук, выдохнул с хрипом и согнулся над столом. Писец отскочил; острый инструмент покатился по камню. Брусок под ладонью пожилого человека засветился мутным жёлтым светом.

Алина шагнула к нему. В прежнем мире человек, хватаящий воздух, означал одно: надо помогать.

Арлен уже придерживал его за плечи. Он осторожно отвёл руку от бруска и усадил мужчину на пол, прислонив к ножке стола. Женщина с мешком протиснулась рядом, раскрыла ворот больному. Алина опустилась с другой стороны, хотела проверить, дышит ли он, но лекарка твёрдо коснулась её локтя и показала на грудь мужчины. Грудь поднималась. Он был в сознании, смотрел на лекарку испуганно и зло.

— Что с ним? — спросила Алина.

Ответом стали новые чужие слова. Лекарка дала мужчине воды. Тот захлебнулся первым глотком, потом смог пить. Свет на сером бруске погас, оставив на его поверхности жел-

товатые прожилки.

Арлен вытащил из-под ноги писца упавший футляр и отодвинул от края. Лишь после этого повернулся к Алине. Он не выглядел удивлённым тем, что случилось. Тревожился за человека — это было видно, — но причина не была для него неожиданной.

У Алины похолодело под рёбрами.

Она вернулась к своей сумке. Прижала ладонь к колену, чтобы не было видно, как дрожат пальцы. Синий мужчина дал распоряжение; один писец подобрал пластину, другой начал собирать упавшие инструменты. В противоположном конце зала двое людей громко спорили, косясь на неё.

Человек, только что потерявший голос, попробовал встать. Лекарка не позволила. Он что-то прошипел ей, но уже говорил. Алина поймала себя на облегчении и тут же рассердилась: ей даже не объяснили, почему он упал.

Арлен присел на корточки перед ней, оставив между ними расстояние. Показал на дверь в стене, затем на стул возле неё. Алина не пошевелилась. Она не знала, приглашает ли он уйти или приказывает, и не собиралась угадывать ценой собственной свободы.

Тогда он принёс стул к ней.

Тяжёлое дерево скрипнуло по полу. Несколько человек обернулись, кто-то возмущённо заговорил. Арлен ответил, не повышая голоса. Стул остался у сумки.

Алина села.

Ей было стыдно за это облегчение: устойчивое сиденье, обе ступни на полу, перед лицом ничего не светится. Она расправила пальто, нашла в кармане бумажный платок и приложила к руке. Зонт торчал из сумки сломанной спицей. На чёрном экране телефона отражались окна, которых не существовало в деловом центре.

В зал вошла молодая женщина с коротко подстриженными тёмными волосами. Она несла небольшой деревянный ящик и очень сердитое лицо. За ней спешил юноша, прижимавший к груди стопку узких книг. Женщина сказала что-то Арлену, посмотрела на Алину, затем на пустой круг и поставила ящик на стол.

Синий мужчина шагнул ей навстречу. Она выслушала его, ответила, и юноша попятился, чтобы дать ей место. По длине ответа Алина решила, что женщине было всё равно, насколько срочно ему требовалось вмешаться.

Арлен стоял рядом со стулом. Он не смотрел на Алину непрерывно, и это позволяло немного прийти в себя. Время от времени его взгляд возвращался к серому камню. Там снова собирались люди, поднимали пластину, освобождали место возле писца.

Алина увидела собственное пальто: тёмный мокрый след на полу тянулся от круга до стула. След привёл людей к ней раньше, чем она поняла, что происходит. Они разошлись полукругом, оставив широкий проход к столу.

Молодая женщина открыла ящик. Внутри лежал прозрач-

ный круглый камешек на кожаном шнуре. Она подняла его, произнесла слово, показала на своё горло, затем на Алину.

Алина прижала сумку ближе.

— Сначала скажите, что это.

Никто не понял. Женщина дождалась тишины и повторила своё слово. Арлен тоже повторил, медленнее. От неё явно ждали согласия на что-то, хотя она пока не могла узнать, на что именно.

Позади полукруга подняли пластину. Пустая строка внизу была обращена к Алине.

Она посмотрела на ожидающие лица. Тот, кто недавно задышался на полу, тоже смотрел на неё. В его глазах ещё стояли слёзы, но теперь он торопил.

Алина крепче сжала разрезанный ремень сумки.

— Я не знаю, кого вы приглашали, — сказала она. — Но пока я ничего для вас не сделаю.

Глава 2. Ни слова не понятно

Женщина со шнуром не стала придвигать камень к Алине. Повесила его себе на шею и произнесла несколько слов, касаясь пальцами прозрачной поверхности. Камешек помутнел, будто на него подышали. Она сказала что-то ещё, посмотрела на Алину вопросительно.

Ничего не изменилось.

Женщина выдохнула, сняла шнур и протянула его Арлену. Тот надел, заговорил. Алина услышала тот же язык, но ухо странным образом выделило из длинной фразы последние слоги. Словно человек за стеной повторял знакомое слово. Она наклонилась ближе и тут же отодвинулась, испугавшись собственной готовности принять что угодно за объяснение.

— Я не понимаю.

Арлен коснулся камня.

— Пони... — сказал он и остановился.

Алина посмотрела ему в лицо. Он тоже услышал это обломанное слово: удивился, затем обратился к женщине. Она быстро открыла одну из принесённых книг. На полях были рисунки горла, уха и ладони — очень аккуратные, почти медицинские. Женщина прочитала строчку, повторила вслух, протянула Алине камень.

Алина рассматривала предмет секунд десять. Обычный

шнур без застёжки. Прозрачный камешек с белым пятном в середине. Его держали оба, ничего с ними не произошло. Этого было мало, чтобы довериться, но другой способ поговорить она пока не видела.

Она взяла камень. Женщина показала: прижать к горлу. Алина удержала его через ткань шарфа.

— Меня зовут Тея.

Слова дошли до неё с небольшой задержкой. Одновременно она слышала другую речь, а поверх неё — смысл, не вполне похожий на голос.

— Повторите, — прошептала Алина.

Тея повторила.

Алина так крепко зажмурилась, что под веками пошли цветные точки. Открыла глаза: зал никуда не делся.

— Я Алина Ветрова. Где я?

Тея повернулась к Арлену и перевела. Он ответил сразу.

— Двор переговоров в Ступенях. Земли Лирена. Северный двор.

— Страна?

Тея нахмурилась. Камень передал чужой ответ как «владение короны», и Алина стиснула зубы.

— Это не Россия?

Незнакомое слово застряло между ними. Тея повторила его так, будто примеряла плохой башмак.

— Я не знаю такой земли.

— Это постановка? Вы меня снимаете?

Тея честно огляделась, пытаясь понять вопрос. На этот раз камень выдал ощущение, почти картинку: снять пальто, снять груз. Алина почувствовала головную боль над правым глазом.

— Забудьте. Мне нужен человек, который объяснит, как меня вернуть.

Синий мужчина шагнул ближе.

— Я Малрик Тесс, голос южного двора на этих переговорах. Вы прибыли по нашему приглашению...

— По вашему чему?

Тея перевела вопрос. Тесс подождал, не пытаясь говорить одновременно.

— Приглашению, переданному посредством арки. Нам необходим внешний свидетель, не связанный ни одной из наших сторон.

Смысл слова «свидетель» пришёл как «человек, видевший». Тея добавила другое слово, долго объясняла его Арлену, и только потом повернулась к Алине.

— Он не говорит, что вы уже что-то видели. Он хочет, чтобы вы присутствовали при заключении записи и подтвердили, что никто не заставил участников.

— Я видела, как человек задохнулся.

Тея перевела. Тесс склонил голову.

— Посол Ремм начал произносить формулу передачи полномочий, прежде чем она была разрешена действующей записью. Камень остановил регистрацию. Его здоровью боль-

ше ничего не угрожает.

Алина посмотрела на серый брусок. Посол сидел возле стены, лекарка поправляла у него на коленях ткань.

— Вы знали, что это случится?

— Он знал, — ответил Тесс.

Она ждала дальнейшего объяснения. Советник тоже ждал; ему казалось, он уже ответил.

Тея поставила свой ящик на пол и села на второй стул, который принёс юноша. Теперь их лица оказались на одном уровне.

— Камень держит старую запись. Ремм хотел зарегистрировать изменения способом, который этой записью запрещён. Не его слова вообще. Вот эту формулу, у этого узла, в таком порядке. Он торопился, хотя ему говорили остановиться.

— Здесь за слова душат?

— Здесь нельзя одной стороне поменять согласованную запись. Последствие закреплено в самой записи. Сейчас ему не позволило закончить регистрацию. Вы можете говорить что хотите. Посол тоже может. Только не делать это с рукой на узле, как будто действие разрешено.

Алина прижала камень сильнее. Ей хотелось спросить всё сразу: кем они себя считают, где полиция, почему приглашение похоже на похищение. Вопросы цеплялись друг за друга и выходили короткими злыми фразами.

— Меня никто не приглашал. Я шла к сестре. Я не давала

согласия. У меня вещи порезаны. Кто-нибудь мог погибнуть в этом вашем проходе?

Тея передала каждую фразу. Арлен, до сих пор молчавший, снял перчатку и положил на стол. По большому пальцу тянулся тонкий ожог.

— Мог, — сказал он. — Я видел, как край закрылся. Поэтому не позволил вам подойти.

Тесс ответил длиннее. Тея выслушала, затем попросила повторить последние слова.

— Проход должен был открыться туда, где нет связей с нашими узлами. К человеку, способному войти. Мы не знали, кем будет этот человек.

— Способному или согласному?

Тея не стала смягчать вопрос. Тесс впервые задержался с ответом.

— Способному, — произнёс он.

В зале кто-то нетерпеливо произнёс имя советника. Арлен повернулся к говорившему. Тому пришлось ждать.

— Вы считали, что человек увидит арку и выберет, — сказала Алина. — А человек не успел.

— Очевидно, работа арки была неустойчивой, — ответил Тесс.

— Очевидно, я бы ещё десять минут назад назвала её дверью.

Она стянула мокрый шарф. Камень коснулся голой кожи, и головная боль сделалась острее. Тея осторожно указала на

шнур.

— Можно повесить. Не нужно давить.

Арлен отступил и принёс воды. Кувшин был металлический, стакан тоже. На дне виднелась капля, которую Алина сначала приняла за грязь. Потом поняла: вмятина. Она взяла стакан, понюхала воду. Пить хотелось до боли в горле.

— Кипячёная? — спросила она.

Тея перевела слово двумя фразами. Арлен кивнул.

— Для зала — да.

Алина выпила половину. Вода была тёплая, с едва заметным металлическим привкусом. Желудок сжался, напоминая, что после полудня она не ела.

Лекарка спросила, можно ли осмотреть руку. Теперь вопрос дошёл ясно. Алина протянула пальцы. Женщина бережно сняла размокший платок, промыла царапины и перевязала чистой полосой ткани. Это заняло меньше минуты. Алина снова ощутила неприятное облегчение: здесь кто-то умел делать понятные вещи.

Тесс ждал, пока закончится перевязка, и всё это время смотрел на пластину.

— Весенний подъём воды оказался сильнее прогноза, — произнёс он наконец. — Мастерам нужна новая запись об управлении плотиной. Для сегодняшнего соглашения необходимо ваше участие. То, что произошло, осложнило положение, но...

— Какой записи?

— Дополнительного соглашения между Лиреном и Дорвеном.

Слова пришли отчётливо, имена — как имена. Алина взяла телефон, посмотрела на экран и убрала его в сумку. Мир не собирался возвращаться к норме из вежливости.

— Покажите текст.

Советник заметно оживился. Писец быстро принёс пластину. Знаки были узкие, с маленькими угловатыми крючками, совсем не похожие на буквы ни одного знакомого ей алфавита. Алина надела камень на шею, подняла запись ближе к лицу.

Ничего.

— Он не читает, — сказала Тея прежде, чем Алина задала вопрос.

— Тогда прочтите вы.

Тея потянулась к пластине, но писец удержал её на секунду дольше. Арлен произнёс два слова. Писец отпустил.

Тея прочитала первую строчку. Камень отозвался цепочкой приблизительных значений: «сохранение», «общее», «покой». Она остановилась, посмотрела на Алину.

— Уже плохо, — сказала Тея. — Здесь не покой. Мир после войны.

Она объясняла значение ещё несколько секунд. Алина слышала её голос и одновременно чувствовала, как между ними приходится строить каждый шаг. Раньше она иногда раздражалась на переводчиков, затягивавших обсужде-

ние одного термина. Теперь была готова держать рядом с собой переводчика обеими руками.

Тесс попросил Тею прочитать дальше. Та ответила, не отрывая взгляда от пластины.

— Я могу дать ей общее содержание. Не точную запись для свидетельствования. Здесь два местных текста, и они не во всём одинаково понятны даже нам.

— Формулы сверены.

— Вами. Не ею.

Арлен прикрыл лицо пальцами — не от усталости, а чтобы спрятать короткую улыбку. Алина увидела это и неожиданно захотела улыбнуться тоже. Вместо этого спросила, почему им не хватает своих свидетелей.

Тесс сложил руки за спиной.

— Потому что каждый из наших свидетелей несёт обязательства перед одной из корон. Дорвен не принимает лиренское подтверждение, Лирен не принимает дорвенское. Совместная процедура требует лица, не включённого в эти связи.

— И никто из других земель не может?

Тея повторила вопрос. В нём слово «других» дважды переменяло оттенок.

— Может, — ответил Тесс. — Если успеет прибыть и его независимость будет подтверждена. На это уходит время, которого у нас мало.

— Вы решили сэкономить его на мне.

Советник молчал. Тея опустила глаза к краю пластины, где оставалось свободное место.

От арки отделился человек в пыльном фартуке. Он шёл осторожно, держась за стену. Сел на скамью, заговорил. В его речь Тея вслушивалась особенно внимательно. Алина могла понять лишь часть: «окон... двадцать... семь... расчёт...»

— Он занимается аркой, — пояснила Тея. — Сейчас закончил проверять, повреждён ли узел.

— Он может её открыть?

Мастер покачал головой ещё до перевода. Потом попросил мел, начертил на столе окружность и четыре маленькие черты. Одну обвёл дважды. Тея задавала уточняющие вопросы; Арлен тоже. Алина ждала, вцепившись пальцами в сиденье.

— Сегодня открыть заново нельзя, — сказала Тея. — Следующее положение светил, при котором они могут повторить проход, будет на двадцать седьмой день.

— Могут? Или откроют?

Тея перевела буквально. Мастер устало потёр переносицу и ответил. Ему явно было важно, чтобы его услышали точно.

— Подготовить можно. Нужно несколько мастеров, запас камня и проверка после сегодняшнего сбоя. Он обещает дать полный расчёт утром. Не обещает вернуть вас сейчас.

Алина встала. Стул отъехал, Тесс освободил ей дорогу. Она дошла до арки, уже не пытаясь пересечь то место, где недавно стоял обугленный шест. Каменная стена была тёп-

лой. За дверцей в ней что-то тихо потрескивало. Никаких признаков крытого перехода, стеклянной двери, мокрого асфальта.

Катя дожждётся, рассердится, позвонит. Потом начнёт искать. Даша скажет, что Алина вышла около половины седьмого. Люди в старом корпусе проверят камеры. Возможно, увидят белую вспышку. Возможно, запись закончится раньше.

Она закрыла глаза. Когда открыла, Арлен стоял в нескольких шагах, не приближаясь. В руке держал её зонт. Обломанную спицу он завернул в тряпку, чтобы она не порвала сумку.

— Мне очень нужно домой, — сказала Алина.

Он подождал перевод и кивнул.

— Я понял.

— Нет, вы не поняли.

— Возможно. Но я понял, что вы хотите уйти.

Это был первый ответ за всё время, в котором ей ничего не предлагали взамен.

Она взяла зонт. На тряпке осталась тёмная полоска от спицы. Арлен заметил её взгляд.

— Потом можно починить.

— Это не главное.

— Да.

За его плечом Тесс разговаривал с писцами. Речь ускорилась, несколько человек спорили, показывая на пластину.

Тея забрала ящик, подошла к ним и попросила книгу. Ей дали другую; она вернула её, дождалась нужной.

Алина вернулась к столу сама.

— Что произойдёт, если вы не заключите соглашение сегодня?

Тесс ответил без прежней торжественности:

— Останется действовать прежний порядок.

— А вы зачем его меняете?

— Прежний порядок не даёт мастерам изменить расход так, как они просят. Для этого мы и готовим новую запись.

— Почему управление плотиной зависит от этой записи?

Советник взглянул на Арлена. Тот не отвёл глаз.

Тея положила на стол книгу. Она открыла страницу, где среди чужих знаков была нарисована каменная стена с семью узкими проёмами. Над ними изображались два бруска — чёрный и серый.

— Эти камни, — сказала она, коснувшись рисунка, — держат её ворота. Здесь заключили мир после войны. И в этот мир включили воду.

Глава 3. Свидетель — не пленник

Камень на груди стал тёплым. Пока Тесс объяснял, как два двора намерены согласовать летний режим плотины, Алина дважды услышала вместо понятных слов невнятный шелест. Она решила, что советник снова употребил термин, которого перевод не знает. Тея заметила её взгляд и попросила остановиться.

— Заряд заканчивается, — сказала она. — Этот взяли из комнаты писцов. Он уже работал сегодня.

— Я теперь совсем вас не пойму?

— Есть другой. Но ненадолго. Завтра оба восстановятся.

Тесс сжал губы. Его раздражало, что камень выдохся именно сейчас, и ещё больше — что Тея не пыталась скрыть это от гости.

— Тогда общий порядок я могу объяснить кратко, — произнёс он. — Режим меняют оба представителя. Вы подтверждаете, что воля выражена без принуждения. После этого запись отправляется к узлам плотины.

Алина взглянула на пластину. На краю стояли отметки, похожие на маленькие гребёнки. Она не знала ни их значения, ни значения самого слова «подтверждаете» в устах этих людей.

— Я должна что-нибудь сказать у камня?

— Да.

— И после этого меня тоже что-нибудь свяжет?

Тесс задержался лишь на мгновение. Тея сразу повернулась к нему. Он повторил ответ подробнее.

— Вы отвечаете за точность свидетельствования в пределах того, что наблюдали. Не за исполнение самого соглашения. Никаких обязанностей перед одной из корон это не создаёт.

— А если я неправильно поняла перевод?

— Свидетельство должно быть осознанным.

— Что именно со мной произойдёт при ошибке?

За спиной Тесса писец перестал складывать инструменты. Арлен, стоявший возле двери, посмотрел на него.

— Без вашего отдельного подтверждения, что формула вам объяснена, её не регистрируют, — сказал советник. — Если сомневаетесь, не произносите его. Последствий за отказ нет.

— Тогда я отказываюсь.

Слова вылетели раньше, чем Алина успела решить, насколько ей здесь позволено отказываться. Тея передала их, глядя на Тесса. Тот положил руку на край стола.

— От сегодняшней процедуры?

— От любой, пока я не получу текст, который понимаю. И объяснение, что случится со мной после участия. И проверку этого объяснения человеком, который не получает от моей подписи выгоду.

Советник взял пластину у писца и положил обратно в фу-

тляр. Сделал это аккуратно, без обиды напоказ.

— Лирен оплатит ваше пребывание. Дорвен готов назначить вознаграждение. Вы потеряли имущество и время; это должно быть возмещено.

— Если я откажусь, имущество и время вернутся?

— Нет. Но средства будут предоставлены.

— За участие или потому, что вы меня сюда доставили?

Вопрос заставил его помолчать дольше. Тея взялась за крышку своего ящика, выровняла её и склонила голову, пряча усмешку.

— Содержание гостыи не может зависеть от её подписи,

— сказал Арлен.

Тесс посмотрел на него.

— Я не утверждал обратного, командир.

— Тогда это стоит повторить тем, кто будет выдавать распоряжения.

Алина повернула голову к Арлену. Камень ещё держал последние ясные слова, и она успела понять вопрос Тесса о том, уполномочен ли командир решать вопросы двора. Арлен ответил:

— Я уполномочен обеспечить безопасность человека, приведённого через арку. Сейчас это единственный понятный мне приказ.

Тесс кивнул. Не уступил в споре, просто принял факт, который следовало учитывать.

— Вы получите отдельное жильё и необходимое содержа-

ние, госпожа Ветрова. Утром обе стороны пришлют переводчиков для объяснения записи. Решение об участии остаётся за вами.

Алина поняла, что перестала дышать нормально. Выдохнула, взяла сумку и обнаружила, что ремень снова скользит в пальцах. Рядом лежали футляр, книги, чужой ящик; её вещи казались особенно жалкими. Она хотела потребовать письменное подтверждение всех обещаний и почти произнесла это. Но какой смысл имел бы ещё один текст, которого она не прочитает?

— Я смогу выйти из жилья?

— Да.

— Я смогу говорить с людьми, которые не служат вам?

— По правилам безопасности двора.

— Эти правила мне тоже объясните.

Камень передал последнее слово как «порог». Тея сняла с шеи свой маленький шнур и протянула Алине. Второй камешек был меньше первого, с крохотной трещиной внутри.

— Ещё немного, — сказала она. — И на сегодня хватит. От долгой работы болит голова.

Алина уже знала.

Они вышли через боковую дверь. Арлен пропустил женщин, потом забрал у юноши стопку книг, которая явно была тому тяжела. Коридор оказался длинным, с открытой галереей справа. Дождь здесь тоже шёл, хотя на улице был совсем другой свет: сумерки почти закончились, двор между

зданиями темнел, а на низкой крыше сидела мокрая птица размером с небольшую собаку.

Алина остановилась. Птица поворачивала голову, следя за ними; под клювом болтались две красные кожистые складки. Она не взлетела, лишь прошла по черепице, переставляя длинные лапы.

— Домашняя? — спросила Алина.

Тея посмотрела вверх.

— Дворовая. Не кормите с руки. Она это принимает за обещание кормить всегда.

Алина коротко рассмеялась. Тея не поняла причины смеха, но не стала требовать объяснения. Арлен отдал книги юноше у следующей двери. Тот выпрямился, облегчённо выдохнул и умчался.

На стенах коридора висели вытянутые доски с нарисованными животными. Под каждым рисунком — две строки знаков. Алина заметила трёхрогого оленя, лодку, дерево с широкими корнями. Не гербы из книжки: краска потрескалась, на одном углу остался след копоти. Люди жили здесь давно, чинили вещи, снимали доски, чтобы помыть стены. Её внезапная важность была коротким эпизодом в их жизни.

Арлен остановился перед дверью, на которой был изображён куст. Постучал, вошёл первым и почти сразу вышел.

— Здесь, — сказал он. — Ключ вам отдаст смотрительница. Я могу остаться в галерее, пока всё объяснят.

— А могу я остаться одна?

Он посмотрел на Тею, дождался перевода.

— Да.

В комнате горел маленький светильник. Кровать, стол, два стула, таз на подставке; возле стены стоял кувшин с водой и закрытое ведро. Окно выходило во двор. Алина проверила дверь прежде, чем посмотрела на постель. Засов находился с внутренней стороны, массивный, простой. Снаружи был замок.

Смотрительница принесла ключ. На широком кольце он был один. Она показала, как поворачивать, потом на засов; объяснила, что утром пришлёт еду, если гостя не выйдет в общую комнату. У неё были красные руки и маленькая цепочка, которую она всё время заправляла под ворот.

— Одежду сушить здесь? — спросила Алина.

Смотрительница показала на крючья над низким каменным коробом. Из него шло ровное тепло. Алина осторожно приложила ладонь к стенке. Почти как батарея. Она посмотрела на Тею, та пожала плечами:

— Старый нагревательный узел. Малый. Свод им не управляет.

— У вас всякое бывает отдельно?

Тея подняла бровь.

— Очень надеюсь.

Шутка дошла до Алины с задержкой. Она снова рассмеялась, на этот раз чуть спокойнее. Смотрительница улыбнулась, хотя не понимала, чему они радуются.

Когда дверь закрылась за ней, Тея положила на стол две книги.

— Это на завтра. Я оставлю рисунки букв. Сегодня не нужно ничего учить.

— Вы переводите с моего языка?

— Нет. Я даже не знала, что он существует. Камень связывает произнесённое с тем, что человек может понять. Я знаю два здешних языка, могу заметить, когда формула в них означает разное. Но русскую запись я бы не прочитала.

Алина вытянула из сумки свою папку. На первой странице виднелся список документов для квартиры. Она подвинула лист Тее. Та провела пальцем по строчке, перевернула страницу.

— Красиво. И ни одного слова.

— Это список того, что я собиралась сказать сестре.

— Тогда лучше сохраните.

Алина забрала лист. Она не хотела говорить о Кате с этой женщиной, знакомой меньше часа. Но сильнее не хотела, чтобы Катя осталась только уведомлением на экране.

— Она будет меня искать.

Тея долго молчала, выравнивая край книги относительно стола. Потом ответила:

— Попросите мастера арки сказать, может ли он передать весть. Не знаю, как это делают. Думаю, сейчас не может. Но вопрос надо поставить.

— Вы бы поставили?

— Завтра. Если вы разрешите.

Алина кивнула. Тея сняла второй камень, заметила, что гостья испугалась, и дала прикоснуться к нему ещё раз.

— Я приду утром. Это место называют гостевым крылом. На выходе стоят два стражника, чтобы никто не приходил к вам без приглашения. Для вас дверь не заперта. Если возникнет беда — стучите в соседнюю комнату. Там смотрительница. Всё.

Она уходила, когда Алина успела спросить:

— А вы кому служите?

Камень дал ответ почти бесцветно:

— Сейчас архивариусу. Вообще я из Низкого Брода.

Тея выскользнула за дверь. Алина осталась с тишиной, в которой слышалось капанье за окном. Несколько минут она сидела на кровати, держа ключ на ладони. Потом закрыла дверь на засов и впервые позволила себе заплакать.

Плакать оказалось неудобно. Болела голова, пальцы перевязаны, мокрый шарф мешал дышать. Она сняла пальто, положила его на крючья, стянула ботинки. Вытерла лицо краем чистой наволочки. Ей хотелось лечь прямо в одежде и проснуться в обычной комнате, но желудок настойчиво требовал еды.

Поднос принесли через полчаса. Смотрительница постучала, показала через приоткрытую дверь хлеб, миску и маленькую чашку. Алина открыла шире. Женщина осталась на пороге, будто соблюдала правило, которое им обоим теперь

было понятно без языка. Суп пах луком и зерном. На блюде лежала запечённая половинка чего-то похожего на грушу.

Когда смотрительница ушла, Алина съела всё. Даже сладкий сок с блюда собрала хлебом. Потом вынула телефон. Двадцать три процента заряда. Она включила режим полёта, зашла в заметки и набрала:

«Катя, я жива. Я не знаю, как объяснить, где нахожусь. Мне сказали, что через 27 дней смогут вернуть. Если увидишь это — пожалуйста, не думай, что я ушла сама».

Последнее предложение она перечитала дважды. В записке не было пользы, пока записку нельзя отправить. Но впервые за вечер руки перестали дрожать.

Она положила телефон под подушку. За окном кто-то ругался на птицу; та отвечала гортанным треском. Алина лежала и считала, какие дела у неё будут сорваны завтра. Три встречи, сдача копий, звонок нотариусу. Затем мысли провалились в темноту.

Утро пришло вместе с шумом тележки за дверью. Светильник погас сам, но умывальная вода была тёплая. Алина заметила это почти сердито: чужой мир оказался способен обеспечить ей удобства, которых она у него не просила.

Пальто высохло, на подоле осталась белёсая полоса. Ремень сумки она завязала узлом. В папке нашёлся маленький пакет с влажной салфеткой; при виде привычной упаковки захотелось плакать снова. Вместо этого Алина вытерла ботинки.

Тея пришла с двумя мужчинами. Один представился Серном, писцом лиренского двора; другой — Дейтом, помощником дорвенского переводчика. Каждый нёс собственный свиток. Они вежливо поклонились, и новый камень на груди Алины передал приветствие Серна как пожелание «доброй тяжести».

Алина остановилась, не поняв, чем заслужила эту тяжесть.

Тея прикрыла рот ладонью.

— Он желает вам достойного дня. В старой форме. Смысл вроде: пусть ваши дела сегодня окажутся значительными.

Дейт с серьёзным лицом добавил:

— Обычно достаточно пожелать доброго утра.

Серн нахмурился, но затем засмеялся первым. Напряжение ослабло; Алина подвинула к столу второй стул. Для троих всё равно не хватало места. Серн устроился на низкой подставке, Дейт остался стоять.

В течение следующего часа они объясняли ей предложенную запись. Две короны хотели разрешить сезонные измерения на плотине, обмен сведениями и совместную смену мастеров. Ничего похожего на окончательное управление паводком там не было. Вопрос о режиме ворот вынесли в отдельное, ещё не готовое приложение.

— Тогда почему моя подпись так срочно нужна? — спросила Алина.

Серн посмотрел на Дейта. Дейт ответил:

— Потому что без начала процедуры дворы не обсуждают приложение.

— Это правило камня?

— Нет. Это порядок переговоров.

Она записала на земном листе: «Порядок людей ≠ правило магии». Тея проследила за её движением, спросила, что значит черта. Алина объяснила, и писец кивнула, словно это полезнее многих строчек в здешних книгах.

Мастер арки пришёл позже, уже без фартука. Принёс досочку с двадцатью семью отметками. Первую закрыл маленькой деревянной скобой.

— Сегодня второй день вашего пребывания, — пояснила Тея. — Они считают день появления первым. Следующее окно будет в ночь после двадцать шестого дня, перед рассветом двадцать седьмого.

Алина заставила его повторить. Потом спросила о записке.

Мастер положил палец на первую отметку, затем на последнюю.

— Пока проход закрыт, связи нет. Даже для листа. Иначе он не был бы закрыт.

В его ответе не было ни издёвки, ни обещания утешить. Он объяснил, что путь должен вновь связать то же место, где она оказалась, хотя нуждается в проверке земного конца. Что потребуется запас материала и работа пяти человек. Что её отказ свидетельствовать не меняет положения светил и не

отменяет обязанность двора вернуть случайную гостью.

Алина попросила повторить последнее. Серн записал его на своём свитке, Дейт сверил формулировку. Когда они закончили, у неё было два непонятных текста и один понятный вывод: возвращение не придётся покупать подписью.

Потом принесли карту.

Она занимала почти весь стол. Ступени стояли возле переплетения дорог; горы были обозначены частыми коричневыми штрихами. Река расширялась к югу, возле чёрной полосы плотины делилась на несколько рукавов. На севере тянулась толстая красная линия. На юге — жёлтая. Между ними, поверх зелёных и синих пятен, стояла одна крупная надпись.

— Здесь кто? — спросила Алина.

— Охраняемое население Поймы, — перевёл Серн.

Тея повернула карту, чтобы солнце не мешало видеть. На том месте, где лежал её палец, не было ни одного названия.

— А деревни?

— Это карта обязательств двух дворов. Для поселений есть другие.

Алина уже набрала воздуха для следующего вопроса, когда увидела выражение Теи. Та придерживала край карты обеими руками. Костяшки пальцев побелели.

— Низкий Брод здесь, — сказала она. — Рядом с этой маленькой чертой. Не надписью.

Глава 4. Удобное слово «мир»

До полудня Алина успела устать от трёх разных видов вежливости. Серн объяснял ей, как надо обращаться к королеве, Дейт — почему обращение, принятое в Лирене, не подходит для советника Дорвена, Тея — какие из правил действительно стоит соблюдать, если хочется не потерять половину дня.

— Вот это оставьте для людей, у которых есть должность произносить приветствия, — сказала она, отодвигая лист со столбцами формул. — Королеве достаточно поклониться. Неглубоко. Советнику тоже. Если кто-нибудь сочтёт ваш поклон неправильным, скажите, что за него отвечаю я.

— Вы можете за него отвечать?

— Я могу принимать недовольство. Обычно с этим справляюсь.

Дейт поднял палец.

— Но делать этого не требуется. Гостья извне не знакома с нашим обычаем, и мы это признаём.

— Прекрасно, — сказала Алина. — Тогда давайте знакомиться с чем-нибудь полезным.

Они показали ей короткую сводку о перемирии. Двадцать семь лет назад короны прекратили военные действия. Отвели войска от семи переходов, закрепили порядок прохода купцов, совместного обслуживания мостов и управления

плотиной. Каждый пункт сопровождался датой. Алина любила даты: они позволяли задавать вопросы, не споря о чувстве настроения.

— Когда последний раз меняли порядок плотины?

Серн нашёл запись на полях.

— Девять лет назад. По соглашению мастеров и обоих дворов.

— Жители нижних мест участвовали?

— Их известили.

— До или после?

Серн перечитал строчку. Дейт наклонился, проследил пальцем знаки.

— Здесь это не указано, — сказал он.

Алина записала вопрос. Тея сидела на подоконнике, слушающая. Сначала ей казалось, что писец смотрит на свиток, но потом заметила: Тея разглядывает Алинин телефон, лежащий экраном вниз.

— Он что-то хранит? — спросила она, когда оба переводчика отправились за другой книгой.

— Сообщения. Изображения. Голоса, если записать. Для передачи нужна связь, а её нет.

— Можно увидеть?

Алина помедлила. Затем включила экран, открыла фотографию Кати. Сестра стояла на кухне с большой миской; на столе было тесто, одно плечо платья припорошено мукой. Снимок Алина сделала два месяца назад, когда они пытались

повторить бабушкины пироги и выяснили, что бабушка словами «немножко воды» обозначала целый кувшин.

Тея осторожно села рядом.

— Она похожа на вас.

— Все говорят. Мы не похожи.

— Потому что вы знаете, чем различаетесь.

Алина посмотрела на фотографию. Катя держала миску перед собой, будто защищалась ею от очередного полезного совета. Вспомнилось, как она сказала тогда: «Сама. Я хочу хотя бы тесто испортить сама». Алина убрала телефон.

— Она младше меня на четыре года. Собирается менять работу, и я думаю, что это плохой момент.

— Она спрашивала?

— О квартире. Не о работе.

Тея улыбнулась без насмешки.

— Тогда вам есть о чём поговорить, когда вернётесь.

Алина могла бы объяснить, что сестра торопится, что нужно учитывать выплаты и неопределённость. Но ей неожиданно надоело звучать как собственная запись в папке. Она спросила Тею о Низком Броде.

Оказалось, писец жила в Ступенях три года. До этого работала при сельском совете, переписывала счета на зерно, письма, записи о наделах. В пограничный архив её взяли потому, что она читала старые дорвенские формулы; их ещё использовали в Пойме, а в столице им учили мало. Сейчас служила помощницей старого архивариуса Херта, плохо ви-

девшего после болезни.

— Ваша семья осталась там?

— Брат, его жена и племянник. Мать переселилась к тётке, выше по реке. Дом брата у мельничного рукава.

— Его может затопить?

Тея посмотрела на окно.

— Может. Дом построен на поднятом основании. В прошлый раз хватило. В этот раз Мартен говорит, что не хватит.

Имя Алина уже слышала среди утренних разговоров о мастерах. Она хотела спросить подробнее, но вернулись Серн и Дейт. Вслед за ними вошёл дворцовый служитель и объявил, что гостю ждут в малой приёмной.

Приёмная была меньше церемониального зала, светлее и прохладнее. На столе вместо чёрного камня стояло блюдо с нарезанными яблоками. Женщина у окна повернулась, когда Алина вошла. Ей было около пятидесяти; на лице заметные следы усталости, волосы убраны под простую тёмную сетку. Корона отсутствовала. Но служитель поклонился ей так внимательно, что ошибиться Алина не могла.

— Я должна принести вам извинения, — сказала королева Эстель после приветствия. — Вас привели без согласия. Мы рассчитывали на добровольный вход в открытый проход. Расчёт оказался неверным.

Алина придерживала камень ладонью, чтобы убедиться: услышала точно. Тея повторила последнюю фразу в более простой форме. Эстель дождалась.

— Вы откроете обратный путь?

— Подготовка уже поручена мастерам. Запас для первого возврата будет выделен сегодня. Вы не обязаны помогать нам, чтобы воспользоваться им.

— А если у вас возникнет срочное дело, которому этот запас тоже понадобится?

Королева посмотрела на Серна.

— Запишите назначение запаса отдельно. И укажите, что переназначить его можно только с согласием гостя.

Серн наклонился над дощечкой. Алина удивилась собственному желанию проверить, действительно ли он пишет. На Земле она прочитала бы через его плечо. Здесь могла лишь попросить Дейта сверить, и тот сделал это без возражений.

— Вам известно, зачем мы хотели пригласить свидетеля?
— спросила Эстель.

— В общих чертах. Вы не доверяете друг другу.

Серн на секунду остановился с переводом, но Дейт не изменил ни слова. Королева взяла ломтик яблока и положила обратно.

— Мы доверяем исполнению записи. Её изменение требует того, в чём обе стороны не сомневаются.

— А у меня должны быть причины не сомневаться в вас. Эстель положила недоеденный ломтик на край блюда.

— Какие сведения вам нужны?

Алина назвала полный текст, независимое объяснение,

последствия для людей, которых не позвали сюда. Серн записывал. На словах о нижних поселениях королева остановила его.

— Реестр Херта включает дороги снабжения и положение застав. Вы просите открыть его человеку, который собирается говорить с южными уполномоченными.

Алина посмотрела на Дейта. Тот остался неподвижен; только положил свою книгу закрытой стороной вверх.

— Мне не нужны списки оружия. Нужны дома, пути отхода, места, куда дойдёт вода.

— Иногда это один путь, — ответила Эстель. — По нему уходят семьи и приходит смена гарнизона. Пригласить вас ещё не значит открыть всё, что вы захотите увидеть.

Алина ощутила привычное раздражение: её просили помочь, а теперь предлагали работать с тем, что сочтут пригодным. Она уже открыла рот, но королева продолжила:

— Херт может выдать выписку без расположения застав. Дома и водные участки сохранятся. Возле скрытой строки будет пометка, а не пустое место. Для полного реестра нужен отдельный допуск; сегодня его не будет.

— В выписке будут видны последствия для этих домов? Или их тоже уберут вместе с дорогой?

Эстель повернулась к Серну.

— Проверьте это с Хертом. Если скрытая часть меняет вывод, укажите, какой вывод по открытым сведениям сделать нельзя.

Серн вычеркнул начатую строку и записал новую. Алина следила за его рукой, хотя знаки оставались чужими. Она могла ждать допуска, не соглашаясь на работу с неполной картой; внизу тем временем готовились к воде без неё. Ей не нравился ни один вариант.

— Начну с выписки. Но если она не позволяет понять последствие, я не стану подтверждать его ради того, что мне выдали всё разрешённое.

— Тогда обозначите предел, — сказала Эстель. — Писцу придётся внести его вместе с вашим ответом.

Алина попросила Дейта проверить это условие. Он развернул книгу и повторил его по-дорвенски. Королева подождала, пока Тея объяснит последнюю фразу проще.

— Сегодняшняя запись не касается самого паводка, — сказала Алина. — Почему её нельзя обсуждать вместе с режимом ворот?

— Можно. Но южный двор хочет сначала подтвердить порядок допуска мастеров. Мы опасаемся, что без него они не получат доступа к измерениям.

— То есть первоначальный порядок переговоров тоже можно изменить.

Эстель слабо улыбнулась.

— Мой советник уже сообщил, что вы задавали об этом вопрос.

— И?

— Его раздражает, что вопрос разумный.

Тея опустила взгляд к своей книге. Серн не засмеялся, но плечи у него дрогнули. Алина вдруг почувствовала усталость королевы сильнее собственной. Здесь тоже существовали люди, которым весь день приносили вопросы, потому что никто не хотел отвечать за ответ.

Когда встреча закончилась, Алина увидела Арлена в галерее. Он разговаривал с двумя военными; у одного голень была перевязана мокрой тканью. Арлен подписал маленький лист, дождался, пока оба уйдут, и спросил, нужна ли гостье помощь с дорогой до архива.

— Мне предлагают больше помощи, чем объяснений, — ответила она.

— Объяснения обычно дольше. Дорога до архива короткая.

Она улыбнулась. Он улыбнулся в ответ и пошёл рядом. Тея шагала с другой стороны, держа книгу у бедра; камень у Алины был ещё заряжен, поэтому переводить каждую бытовую фразу ей не требовалось.

— Вы служите на границе? — спросила Алина.

— Да. Сегодня должен был возвращаться. Теперь задерживаюсь.

— Из-за меня?

— Из-за процедуры. И потому, что со мной хотят обсудить состояние дороги к плотине.

— Вы могли просто сказать да.

— Тогда получилось бы, что задержка только ваша вина.

Алина на мгновение отвела взгляд. Ей нравилось, как он отвечал: не стремился снять с себя ответственность и не принимал её больше, чем мог вынести. Это было удобное качество для работы. Пока она старалась думать о нём именно так.

Архив занимал нижний этаж отдельного корпуса. Открытая комната пахла бумагой, клеем и варёной морковью: на подоконнике стояла миска с недоеденной морковью. Херт, старый человек с красными веками, поспешил отодвинуть её. Тея взяла миску, поставила на другой стол.

— Вы опять не ели, — сказала она.

— Я начал.

— Вы положили сюда, чтобы начать после письма.

— Письмо длинное.

— Морковь короткая.

Арлен усмехнулся, снял перчатки. Алина нашла себе место у стола с реестром. Херт провёл ладонью по раскрытой странице, объяснил, что подготовил выписки, но часть обозначений относится к раннему договору. Его голос был хриплый, мягкий; он часто наклонялся к книге, почти касаясь носом строки.

Четыре столбца: территория, владелец, исполняющий, предел обязательства. Алина записала русские названия рядом на своём листе. Тея переводила медленно, проверяя с Хертом спорные слова. В список стояли заставы, дороги, два склада, верхний канал, водная мельница. Под строкой Пой-

мы оставалось пустое место.

— Что здесь должно быть? — спросила Алина.

Херт поднял голову.

— Сверенная запись представителей затронутых земель.

— Её не внесли?

— На этой странице — нет.

— Есть другая?

Старик снял с верхней полки узкую книгу, поискал, передал Тее. Та прочитала две строчки. Замолчала.

— Здесь сказано, что земли находятся под охраной двух корон в пределах их обязательств, — произнесла она.

— А кому принадлежат деревни? Низкий Брод, Мельничный Берег...

— Каменцы, — добавила Тея.

— Да, Каменцы. Кому?

Херт повторил формулу об охране. Алина выждала, но старик не добавил ничего.

— Я спрашиваю не об охране. У них есть свои советы? Если плотина повредит их дома, кто от них участвует в решении?

Херт посмотрел на Тею, затем на Арлена. Он словно узнал вопрос, который уже слышал, но давно привык на него не отвечать.

— Для обычных земельных дел есть советы, — сказал он.

— В вопросах перемирия действуют короны.

Алина сделала ещё одну запись. Ей захотелось объявить

эту систему неправильной сразу, прямо здесь, чтобы все слышали. Но она не знала, как устроены границы, что случилось в войну, кого может погубить поспешное открытие ворот. Несколько строчек не объясняли весь мир. Она удержалась от речи и спросила о протоколах прежних паводков.

Их оказалось меньше, чем ожидалось. Четыре тонкие тетради за двадцать семь лет. В одной измерения обрывались на середине страницы. Херт объяснил, что подробные записи мастеров хранятся на местах; здесь принимают только заключения. Тея предложила запросить копии. Арлен сказал, что это займёт несколько дней, даже если отправить гонца сегодня.

— Можно увидеть сами места, — добавил он. — До Низкого Брода тридцать четыре дорожные меры. С повозкой и работой на дороге — два дня. До плотины от деревни ещё восемь.

— Поехать вместо запроса?

— Запрос отправить всё равно. Поехать, если вы захотите говорить с людьми и мастером лично.

Алина смотрела на пустую строку реестра. Изображённая на карте плотина имела семь ворот, два управляющих камня, множество запретов. У деревни Теи не было даже надписи.

— Мне ещё нужно понять, могу ли я здесь быть полезна, — произнесла она.

— Для этого и предлагают смотреть, — ответил Арлен.

Херт нашёл лист с изображением старой дороги. Алина

наклонилась, чтобы рассмотреть тонкую черту, и услышала в коридоре стук сапог. В архив вошёл молодой гонец с мокрой сумкой под плащом. Передал Арлену свёрнутую записку. Тот сразу прочитал, попросил другой лист у Херта и начал писать.

Его спокойствие стало собраннее. Он больше не участвовал в общей беседе: задавал гонцу короткие вопросы, отмечал ответы. Тея перестала переводить Херту и вслушалась.

— Что случилось? — спросила Алина.

Арлен закончил строку, поднял голову.

— Вода пришла раньше. Мартен передал утренние замечания. На нижнем посту уже затоплен спуск к лодкам.

— Это значит, у вас осталось меньше времени?

— Да.

Гонец принял ответную записку, застегнул сумку. Пока он разворачивался, Алина разглядела его сапоги: на одном засохла широкая полоса речного ила. После ухода мальчика эта грязь осталась на архивном полу.

Тея вернулась к реестру, прикрыла книгу ладонью.

— Мне нужно письмо брату, — сказала она.

На столе ещё лежала сводка о двадцати семи годах мира. Херт медленно подвинул её, освобождая Тею место для чистого листа.

Глава 5. Камень держит слово

К завтраку у Алины на столе лежала дорожная рубаха. Смотрительница принесла её вместе с кашей, показала на мокнувший двор, затем на собственные плечи: плотная ткань должна была греть лучше тонкой блузки. Рубаха пахла мылом и немного дымом. Алина долго смотрела на неё, будто надеть чужую одежду означало согласиться, что прежняя жизнь пока недоступна.

Пальто для улицы подходило. Ботинки — нет: вода собиралась в левом шве. Ещё вчера это было мелкой неприятностью, о которой можно позаботиться дома. Сегодня смотрительница увидела влажный носок, заговорила настойчиво и поставила возле двери сапоги. Слишком большие, с мягкими кожаными голенищами.

Алина хотела отказаться. Вместо этого показала на них, на женщину, благодарно кивнула. Смотрительница принесла толстые вязаные чулки и терпеливо подождала, пока гостья обуется. Они оказались вполне удобными. Это было последнее, что Алине сейчас хотелось признавать.

Тея пришла рано, со свёртком. Внутри лежали исписанные листы. Она устроилась на краю стула и дала камню проверить первую фразу.

— Хорошо. Сегодня заряд полный. Давайте его всё-таки беречь. Вчера у вас после архива дрожали руки.

— Это не от камня.

— Значит, у рук много причин. Не добавим ещё одну.

Херт подготовил выписки о допустимых изменениях старой записи. Алина хотела получить их ещё вечером, но архивариус не успел сверить номера, а Тея отказалась пересказывать правила по памяти. Теперь на полях были маленькие отметки двух цветов: Серн и Дейт независимо проверили местные версии.

— Они согласились? — спросила Алина.

— В этих пунктах — да. Спорят, как объяснить вам прекращение записи. Будут говорить сами, если дело дойдёт до свидетельствования.

— А сейчас?

— Сейчас у поста ещё одна проверка. Арлен предложил показать, как действует ограничение. Если вы не передумали выходить.

Алина посмотрела на сапоги. Пока она собиралась только поговорить, её уже успели снарядить как человека, который идёт в холод.

— Не передумала.

Город утром пах печёным хлебом и сточной водой. От двора переговоров к восточным воротам шла крутая улица; камень под ногами был отполирован дождём. У торговой лавки две женщины грузили на тележку корзины, третий человек ругался на скрипящее колесо. Арлен шагал рядом с Алиной, держа руки свободно. В галерее он казался частью

государственного порядка, здесь был просто высоким мужчиной в сером плаще, который знал, где не поскользнуться.

Возле лестницы он предупредил о расшатанной плите. Алина как раз хотела поставить на неё ногу и сердито посмотрела под ноги. Ей было неприятно зависеть от чужого внимания даже в такой малости.

— Здесь вся улица такая?

— Только там, где вы наступаете.

Тея, шедшая впереди, оглянулась.

— Вот и обнаружен виновник плохой дороги. Три года искали.

Арлен сдержанно улыбнулся, но остановился у торговца и спросил о колесе. После короткого ответа отвёл тележку с прохода вместе с её хозяином.

Пост стоял возле старой линии укреплений. До настоящей пограничной дороги отсюда было ещё далеко; сооружение использовали для проверки снаряжения и допусков перед выездом. Высокая решётка делила двор на две половины. На одной лежали брёвна, на другой — каменные плиты, сложенные в аккуратные стопки. Под навесом горел свет, хотя уже рассвело.

Арлен объяснил, что здесь воспроизведён механизм военного заслона. Тот же тип узла охраняет два прохода у Белой линии. Проверка нужна, чтобы военный знак был правильно связан с записью; ошибка могла остановить отряд на дороге или, наоборот, открыть путь, который должен оставаться за-

крытым.

— Вы специально проверяете запрет? — спросила Алина.

— И разрешение. Иначе невозможно узнать, что работает.

Начальник поста, широкоплечая женщина с белым шрамом на подбородке, положила на стол книгу. Попросила Арлена показать знак. Он отстегнул металлическую пластинку у ключицы, но не снял её: цепочка уходила под ворот рубахи. Женщина сравнила отметки с книгой, назвала дату последней регистрации.

— Там ваше имя? — спросила Алина.

— Имя и служба. Знак принадлежит мне до установленного освобождения от обязанности. Его нельзя просто отдать другому.

— Или снять вместе с одеждой?

— Можно снять одежду. Обязанность останется.

Он говорил без гордости. Алина подумала о людях, называвших себя заложниками рабочих договорённостей, но здесь заложничество могло быть буквальным.

Начальник поста повернула маленькую пластину на столе, показала двум присутствующим мастерам. Те прочитали, кивнули. Тея перевела: допуск Арлена для подъёма учебного заслона на время проверки закрыт. Ни чужой проход, ни действительная граница к этому узлу сейчас не подключены.

— Я должен увидеть следствие? — спросила Алина и заметила ошибку камня: фраза прозвучала слишком твёрдо, словно требование начальника.

Тея переформулировала. Арлен покачал головой.

— Вы можете отойти. Я показываю короткую попытку. На первой остановке отпускаю рычаг. Так делают на каждой проверке.

Он подошёл к низкой рукояти сбоку от решётки. Алина ожидала вспышки. Вместо этого металлическая пластинка под его воротом тихо звякнула. Арлен потянул рычаг, рукоять поднялась на толщину пальца и застыла. Его кисть дрогнула. Он сразу отпустил.

Решётка не двинулась.

— Рука? — спросила Алина.

Арлен раскрыл ладонь, повернул запястье.

— Несколько мгновений слабости. При продолжении будет сильнее. Я не продолжаю.

Начальник поста записала что-то в книге. Один мастер поменял положение маленькой скобы. Разрешение восстановили тем же установленным порядком: начальник назвала допуск, оба мастера подтвердили номер, Арлен повторил свою роль. Он снова взялся за рычаг. Решётка поднялась, заскрипели цепи, мокрый мусор с её нижнего края осыпался на плиты.

Алина стояла неподвижно. Вчера посол мог заболеть, камень мог засветиться от удачного устройства, всё могло иметь другое объяснение. Сейчас слабость руки, закрытый и открытый допуск складывались в последовательность, которой она не умела возражать.

— Это возможно разрушить? — спросила она.

Мастер поднял с лавки обломок серого камня. На одной стороне темнело квадратное углубление.

— Возможно. Тогда решётка останется в последнем положении, если цепи целы. А восстановить управление будет труднее. На плотине так делать особенно плохо.

Тея добавила, что повреждение узла не освобождает военных от зарегистрированной обязанности. Свод связывает сеть, а не одну красивую вещь на столе. Потребуется законно закрыть прежнюю запись и создать другую. Если разобрать саму решётку, здесь она перестанет преграждать путь; если ломать воротный механизм плотины, можно потерять сооружение и контроль над водой.

— Значит, запрет обходят только ногами, если уйти в другое место?

Арлен ответил раньше, чем Тея успела объяснить мастерам вопрос:

— Мой запрет относится к Белой линии, а не к воротам на ней. Идти в обход не помогает. Здесь мы проверяем знак на малом узле. Это ещё не вся запись.

Алина вспомнила вчерашнее обещание его поездки. Она спросила, сможет ли он находиться в Пойме, если та расположена между двумя государствами.

Он принёс с другого стола узкую дорожную схему. По ней шла белая черта; местами она пересекала реку, местами уходила в сторону от неё. Тея объяснила: это граница военно-

го допуска, она не совпадает с каждым берегом. Северная дорога и подход к Низкому Броду находятся по лиренскую сторону. Арлен может идти туда со своими людьми. На дорвенский участок нельзя вводить вооружённый отряд. Гражданских мастеров пропускают по согласованному списку и маршруту.

— А если там нужна помощь?

— Передаём помощь тем, кто вправе её доставить. Если нужны новые полномочия, добиваемся их.

— Долго?

— Иногда слишком.

Он посмотрел на поднятую решётку. Алина удержалась от вопроса о том, случалось ли ему опаздывать. Здесь не было подходящего места для чужого признания: рядом стояли подчинённые и ждали завершения проверки.

За решёткой стоял молодой возчик с пустой тележкой. Он ждал, пока закончится проверка, и теперь показал начальнику поста свёрнутый лист. Женщина посмотрела на печать, позвала мастера. Возчик переминался с ноги на ногу. От тележки пахло свежим деревом; на дне лежало несколько длинных щепок.

Арлен спросил о грузе. Оказалось, тележку только что разгрузили: доски предназначались нижнему посту. Возчик хотел получить обратный пропуск прежде, чем отправится за второй партией, чтобы не ждать проверки вечером. Начальник объяснила, что один и тот же лист для разных поез-

док не подходит. Возчик возразил, показывая на целую печать.

Алина невольно прислушалась. Камень переводил их спор достаточно ясно, но пока не давал понять, откуда возникла трудность. Один участник говорил о досках, другой — о праве пройти, и оба раздражались.

— У вас изменится тележка или только груз? — спросила она через Тею.

Возчик показал на щепки: груз. Поедут тем же путём, вдвоём с братом. Тогда Алина попросила объяснить, что именно проверяют на посту. Начальник ответила: список людей и возможность доставки. А доски нужны мастерам, на том участке дорога просела.

— Можно оформить два прохода сейчас, каждый на свой рейс? — спросила Алина. — Второй проверят при доставке. Он хочет только знать, что его будут ждать.

Начальник подняла голову, посмотрела на возчика. Тот расправил плечи и кивнул. Арлен попросил назвать, когда тележка придёт. Возчик начал считать часы, загнул три пальца, прибавил ещё один, потому что брат медленно укладывает доски. Женщина внесла время в книгу, выдала второй отдельный лист.

На этом спор закончился. Возчик оттащил тележку от решётки и побежал за братом; колёса застучали на камне.

— Это тоже было правило узла? — тихо спросила Алина.

— Нет. Учёт пропусков, — ответил Арлен. — Люди могли

выяснить сами, чего он просит. Вы выяснили раньше.

— Я не знаю ваших правил. Поэтому спрашиваю о простом.

— Простое чаще всего и забывают сказать.

Он посмотрел на начальника поста. Та выдавала мастерицу новую верёвку, уже не отвлекаясь на оконченный спор. Алина разжала пальцы, которыми придерживала край листа. Возчик уже пристегнул сумку с обеими копиями.

Алина спрятала камень под ворот, чтобы не слушать всё вокруг. С утра она успела увидеть невозможный запрет и вполне обычную путаницу. Ей придётся научиться различать их прежде, чем предлагать что-нибудь серьёзное второго листа для возчика.

Начальник поста пригласила их под навес. Арлен забрал знак под ворот, она закрыла книгу. Разговор перешёл к поставкам верёвки; Алина отошла к Тее, чтобы не расходовать перевод на каждое слово.

Тея разложила выписки на сухом краю стола.

— Здесь способ на короткое время прекратить действие спорного пункта, — сказала она. — Обе стороны должны назвать опасность для тех, кто не участвует в их записи. Два уполномоченных лица подписывают. Независимый свидетель подтверждает обстоятельства. Семьдесят два часа.

— Почему именно столько?

— Таков допустимый срок в старой процедуре. Потом ограничение возвращается, если постоянное изменение не

зарегистрировано. У камня есть отсчёт. Его проверяют и записывают вслух при начале.

— Вода за это время уйдёт?

— Это надо спрашивать Мартена. Даже без запрета нужны работы. Разрешение на работы их не выполняет.

Алина попросила повторить порядок. Две подписи. Полномочия от государств, а не от любого чиновника. Независимое засвидетельствование действительной опасности. Определённый пункт, территориальный предел, установленное начало. Ни одна сторона не может сделать всё сама.

— Почему этого не сделали вчера?

— Потому что не договорились о том, что именно разрешают, — ответил подошедший Арлен. — Есть разные способы пустить воду, и последствия у них разные. Южная сторона хочет сначала защитить свои склады. Мы должны защитить северную подпорную стену. Нужны расчёты и люди на месте.

— А постоянное изменение?

Тея перевернула лист. Формула оказалась длиннее; ей пришлось дважды объяснять одно выражение. Не население, которое защищают, а территория с признанными представителями, на которую распространяется действие. Алина попросила показать, как это записано в местной версии, и увидела знакомый пустой ряд: Херт вчера отметил его таким же маленьким значком.

— У этих представителей должна быть отдельная под-

пись?

— Согласие, подтверждённое мандатом. Обе короны должны признать, кого послали жители. Потом могут зарегистрировать новую запись, — сказала Тея.

— То есть сейчас в переговорах их нет, а для постоянного изменения нужны они.

— Для изменения, которое непосредственно затрагивает их землю. Так написано в этой процедуре.

Алина потеряла виски. В голове начало складываться решение, которое выглядело простым только потому, что она почти ничего не знала. Если нужен голос жителей, надо получить этот голос. Если нет совета — собрать совет. Но Тея читала строчку с таким выражением, что Алина не решилась предложить это как очевидность.

— Советы в деревнях существуют, — сказала она. — Почему они до сих пор не отправили людей?

Тея прижала лист к столу, чтобы ветер не загнул угол.

— Они отправляли просьбы. Их принимали как просьбы к покровителям. Когда приходил ответ, надо было благодарить. Если ответ не приходил, следующий лист отправляли с копией прежнего. В Низком Броде есть сундук для этих копий.

Арлен молчал. Алина посмотрела на него. Он видел, что она хочет спросить, и не стал уходить к начальнику поста.

— Вы об этом знали?

— О просьбах — да. О точном порядке этого пункта —

нет. Моя работа начинается с уже зарегистрированной записи.

— И вы её не читали?

— Военную часть знаю. Остальное нельзя заменять моей памятью. Для этого нужен человек, который работает с текстом.

Ей хотелось сказать, что удобно знать только свою часть. Потом она взглянула на поднятый заслон, на книгу с датами, на мокрую верёвку, которую проверяли перед выдачей. Арлен не делал вид, что справится с любым делом. И она не могла спрашивать с него за то, что никто не поручил ему выяснять, прежде чем узнает обстоятельства.

— Я бы хотела получить эту процедуру полностью, — сказала Алина.

— Херт даст доступные экземпляры, — ответила Тейя. — Но государственный оригинал хранится отдельно. У судебного хранителя Варна Делла.

Арлен подтвердил имя. По его выражению Алина поняла: поездка к этому человеку будет сложнее прогулки к учебному посту.

Они вышли на улицу. Торговец уже починил колесо, корзины стояли возле лавки. Начался мелкий дождь. Арлен замедлил шаг, чтобы женщины не спешили по мокрой лестнице, и спросил, хочет ли Алина вернуться сначала в комнату.

— Мне надо понять, чего я согласна от вас добиваться, — ответила она.

— Для этого пригодится сухое место.

Тея засмеялась. Алина тоже, хотя ей не было особенно весело. Она остановилась под навесом лавки и ещё раз посмотрела на выписку, только теперь не пыталась сама прочитать знаки.

— Тея, сколько раз это применяли? Не просьбу. Признание деревенских представителей как стороны.

Писец сложила лист аккуратно, по старому сгибу.

— В Пойме? Ни разу.

— Вы точно знаете?

— Я переписывала реестр советов. Искала записи, когда мой брат спрашивал, что ему делать с третьим отказом. Их нет.

Вода капала с крыши прямо на носок Алининого сапога. Она отступила на полшага. За её плечом Арлен придержал рукой корзину, которую хозяйка не могла снять со скамьи, помог донести до лавки и вернулся.

Алина смотрела на знакомое маленькое движение: человек увидел трудность и помог. Рядом с этой помощью существовало огромное пространство, где никто пока не двигался, потому что не была заполнена нужная строка.

— Тогда прежде всего мне надо увидеть ваш сундук, — сказала она Тее.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.